

Н.Е. ТИХОНОВА

Низшие классы в России (Теоретические и методологические предпосылки анализа)*

К середине 2000-х гг. практически завершился период “транзита”, который в течение 20 лет переживало российское общество в связи с реализовывавшимися в нем масштабными реформами. Завершается и процесс формирования его новой социальной структуры, модель которой будет оказывать влияние и на конкурентоспособность России на международной арене, и на условия жизни россиян. Краеугольный вопрос при оценке характера этого влияния – вопрос о типе складывающейся сегодня в России социальной структуры. Диапазон его оценок варьируется от аналога латиноамериканской модели до общества массового среднего класса. На мой взгляд, дать адекватную оценку тут можно, лишь поняв, из каких классов оно состоит и какова динамика численности и состава всех этих классов.

Однако интерес российских социологов к различным классам нашего общества распределяется в последние годы крайне неравномерно. Если исследования среднего класса весьма популярны¹, то рабочий класс, приковывавший к себе так много внимания еще 20–30 лет назад, сегодня оказался на периферии внимания отечественной социологии. Проблема же низшего класса оказалась практически вне поля ее зрения². Думается, причины тому кроются в нескольких обстоятельствах. Прежде всего многие десятилетия низший класс в России (тогда еще советской) отсутствовал и, соответственно, традиция его изучения в отечественной социологии просто не сформировалась. Кроме того, если значение изучения бедности для целей социальной политики понятно всем, то важность изучения низшего класса далеко не столь очевидна. Эта проблематика по-прежнему представляется многим российским социологам и представителям профильных государственных структур академичной и умозрительной. Наконец, для значительной части социологического сообщества сама по себе постановка вопроса о наличии в России массового “низшего класса” выглядит “недостаточно политкорректной”.

В итоге социальная структура российского общества приобретает несколько парадоксальный с точки зрения классических концепций социальной структуры вид. Чаше

* Статья подготовлена в рамках работы по исследовательскому проекту № 09-03-00538а, выполняемому при поддержке Российского гуманитарного научного фонда.

¹ См. работы Е. Аврамовой, Л. Беляевой, Т. Малевой, Л. Хахулиной, О. Шкаратана и др. Подробный обзор исследований среднего класса в России см. [Тихонова, Мареева, 2009].

² К числу исключений можно отнести лишь отдельные работы Е. Балабановой, С. Ярошенко, А. Жвиташвили.

всего она подменяется простой стратификацией по уровню жизни, и российское общество оказывается состоящим, соответственно, из бедных, малообеспеченных, средних слоев, хорошо обеспеченных и богатых россиян. Кроме того, дискуссии о том, к какому же типу – классовых или неклассовых по своей природе структур – принадлежит модель социальной структуры российского общества, пока еще далеки от своего завершения, и в этом плане проблема низшего класса в России выглядит менее актуальной, нежели проблема бедности. Тем не менее, хотя процесс формирования классовой структуры в России действительно еще не завершен, зависимость положения в обществе, жизненных шансов, моделей социального действия и места в системе отношений эксплуатации от рыночных позиций индивидов прослеживается уже достаточно отчетливо (подробнее см. [Тихонова, 2007; 2008; Тихонова, Мареева, 2009]). А следовательно, вполне правомерна и постановка вопроса о возникновении в России низшего класса, а не только “бедных по доходам”.

Разберемся сначала, что же, с точки зрения современной социологии, представляет собой низший класс, и чем он отличается от “просто бедных”. Не углубляясь в историю изучения самого понятия “низший класс” и стоящего за ним явления³, отмечу лишь, что активный интерес социологов к низшему классу возник в 60-х гг. прошлого века. Именно в это время – время быстрого экономического роста в наиболее развитых странах и процветания большинства их населения – как никогда ранее остро встал вопрос о причинах сохранения, а в отдельные периоды и нарастания в них бедности, все более глубокого отрыва части бедных от остального населения не только по уровню, но и по образу жизни. Тем самым, перед социологической наукой оказались поставлены практически одновременно сразу два вопроса – о причинах массовой бедности в процветающих обществах и о наличии в составе бедных особой социальной группы, характеризующегося специфическим образом жизни и ценностями.

Практически с начала всплеска интереса к этим проблемам в 1960-е гг. четко сформировались и два основных направления трактовки причин массовой бедности как результата: 1) особого отношения к жизни (пресловутой “культуры бедности”, характерные особенности которой – пассивность, распространенность иждивенческих настроений, ориентация на жизнь на пособия и т.д.); 2) определенных структурных ограничений, позволяющих говорить уже не просто о бедных, но о низшем классе, характеризующемся специфическими позициями в системе экономических отношений. В последнем случае предполагается, что не так важно, каковы особенности самих бедных – ведь если в обществе есть лишь определенное число структурных позиций, обеспечивающих достаточный для поддержания нормального для данного сообщества уровень жизни, то все, кто не сумеют попасть на эти позиции (а это могут быть и 10, и 50, и 80% трудоспособного населения), неизбежно окажутся в зоне бедности.

При этом живущие за чертой бедности люди могут характеризоваться определенными особенностями, но не эти особенности, а сложившаяся структура общества предопределяет масштабы низшего класса, а следовательно, и масштабы распространения бедности. Те, кто *устойчиво* занимают неблагоприятные структурные позиции, рассматриваются в рамках этого подхода как представители низшего класса, которые либо нужны обществу как работники лишь эпизодически (“резервная армия труда”), либо не нужны вообще, будучи “лишними людьми”⁴. В последнем случае они действительно выступают носителями особого типа культуры. В случае, если это состоя-

³ Отмечу все же, что такие ключевые для понимания сущности понятия “низший класс” категории, как “резервная армия труда”, “избыточное население” и “ломпен-пролетариат”, были введены в научный оборот еще К. Марксом, который выделял четыре основных формы ведущего к складыванию этого класса перенаселения при капитализме: 1) “текучую”, связанную с меняющимися потребностями рынка труда, которая ведет к избавлению от части работников; 2) “скрытую” – избыточное сельское население, мигрирующее в города, но не имеющее в массе своей необходимых навыков, в том числе культурных, для эффективной занятости в них; 3) “застойную” – хронически безработных; 4) “отбросы общества” – бродяг, нищих, преступников и т.п.

⁴ Особенности места “лишних людей” в системе производственных отношений глобализирующегося мира прекрасно описаны М. Кастельсом (см. [Кастельс, 2000]).

ние передается из поколения в поколение, они проходят первичную социализацию уже в рамках этой культуры. Если же они – выходцы из относительно благополучных слоев, в силу разного рода обстоятельств попавшие в состав низшего класса, то они постепенно маргинализируются и люмпенизируются⁵.

Представители той группы исследователей, которые в своем анализе причин массовой бедности даже в благополучных обществах тяготели к выделению в качестве таковых прежде всего жизненных установок бедных, сосредотачивались, естественно, на подробном рассмотрении характерных для бедных ценностей и поведенческих практик и выделяли по этому критерию в их составе не менее двух подгрупп – собственно бедных и андеркласс, в котором происходит изменение многих характерных для “обычных” бедных особенностей отношения к себе и к жизни. При этом если бедные рассматривались не как особый объект анализа, а в рамках построения единой модели вертикальной стратификации общества, то в составе низшего класса (низших классов) выделялись два самостоятельных подкласса (класса), одним из которых и выступал андеркласс [Gilbert, Kahl, 1982].

Те же ученые, которые при анализе причин формирования низшего класса делали акцент на структурные ограничения, рассматривали прежде всего различия в позициях его представителей (наличие/отсутствие занятости) в системе производственных отношений и также выделяли по этому критерию два подкласса (класса). При этом некоторые авторы вводили дополнительные критерии, связанные с образом жизни, и тогда один из этих низших классов тоже характеризовался как “социальное дно”, андеркласс [Coleman, Rainwater, 1978]. Самостоятельным направлением в рамках этого подхода выступал характерный в большей степени для континентально-европейской, прежде всего французской, социологической традиции анализ проблем низшего класса сквозь призму проблемы социальной эксклюзии. В этом случае низший класс рассматривался уже не столько как находящийся “внизу” общества, сколько как находящийся “вне его” [Fassin, 1996].

Такова, так сказать, внутренняя логика подходов к анализу низшего класса (точнее – низших классов) в зарубежной социологической литературе. Но эта логика будет не вполне понятна, если не сказать хотя бы несколько слов и об истории его анализа.

Понятие “низший класс” с подразделением его на два подкласса начало активно использоваться в социологической литературе, посвященной анализу социальной структуры, еще с 1949 г., с работы Л. Уорнера, выделившего в рамках американского общества шесть основных классов [Уорнер, 1997]. Что же касается понятия “андеркласс”, то в рамках концепции растущей в ходе технологической революции поляризации общества этот термин впервые был использован Г. Мюрдалем [Myrdal, 1962], работавшим в русле преимущественно структурного подхода к бедности. Он, а впоследствии и другие авторы, анализировавшие низший класс в рамках структурного подхода (см. [Clark, 1965; Auletta, 1982; Clark, Nathan, 1982; Wilson, 1978; 1987; 1991; 1996] и др.), не просто зафиксировали необходимость рассматривать основную часть бедных как низший класс общества, но и обратили внимание, во-первых, на связь роста бедности и изменений на рынке труда, не учитываемых существовавшими формами институциональной поддержки со стороны общества, а во-вторых, на связь принадлежности к андерклассу и наличия некоторых аскриптивных и других объективных характеристик (принадлежность к расовым и этническим меньшинствам, проживание в городских трущобах и т.д.).

Однако в целом для американских исследователей низшего класса 1960–начала 1970-х гг. характерно внимание в большей степени не к структурным, а к культурным причинам бедности. Андеркласс, на котором в большей степени, чем на “работающих бедняках”, было сосредоточено в тот период их внимание, предстает у них как

⁵ Влияние изменения типа занятости на динамику жизненных установок и поведения ранее благополучного населения фиксировалось в социологической литературе в контексте анализа проблематики низшего класса уже неоднократно (см., например, [Nathan; Тихонова, 2003]).

грубый, безнравственный, склонный к праздности, иждивенчеству, девиации и даже откровенно криминальным формам поведения класс, имеющий к тому же достаточно четкие внешние признаки – от цвета кожи до манеры речи. Именно работы этого периода весьма способствовали тому, что андеркласс стал восприниматься многими как синоним девиантного поведения, а сами попытки его выделения в определенных научных кругах начали трактоваться как “недостаточно политкорректные”, идущие в русле традиции “обвинения жертвы”.

Ситуация существенно изменилась в 1980–1990-х гг. В этот период исследования андеркласса резко активизировались, расширившись далеко за пределы США (см. [Dahrendorf, 1985; Murray, 2000; Murphy, 1997/1998] и др.). В результате сразу “ушли” многие внешние, связанные с особенностями американской жизни, признаки низшего класса в целом и андеркласса в частности. Исчезла “привязка” последнего преимущественно к афроамериканцам, стало понятно, что в ряде стран андеркласс достаточно сложно выделить по пространственной локализации, и т.д. Однако самое главное, что принесли с собой исследования этого периода, – понимание, что *низшие классы в целом и андеркласс в частности к 1990-м гг. в развитых странах качественно изменились*. Изменились настолько, что исследователи заговорили о “новом андерклассе”, “новых люмпенах” и т.п.⁶

В основе этих изменений лежали процессы деиндустриализации экономики развитых стран в ходе перехода ее в фазу поздне- и постиндустриального развития. Соответственно этому этапу экономическая реструктуризация стала причиной сильного уменьшения спроса на среднеквалифицированных работников. С точки зрения динамики социальной структуры это означало сокращение числа средних и немного ниже среднего структурных позиций и “выдавливание” с них части бывшего среднего и рабочего классов на возросшие по численности структурные позиции низшего класса – “работающих бедняков” и “социального дна”. В итоге в состав как низшего класса в целом, так и андеркласса в частности в массовом масштабе стали попадать выходцы из ранее достаточно благополучных слоев. Эту тенденцию отразили широко распространявшиеся в этот период исследования нисходящей межпоколенной мобильности, ставшие заметным самостоятельным направлением в резко активизировавшихся в этот период исследованиях низшего класса. Зафиксированные в них изменения его состава сильно пошатнули позиции культурного объяснения причин наличия массовой бедности в современных обществах.

Все вышесказанное позволяет утверждать: низший класс в любой стране при рассмотрении его через призму структурных предпосылок его существования⁷ характеризуется прежде всего тем, что рабочая сила его представителей (как правило, это простая физическая способность к труду, то есть способность выполнять работы, не требующие высокой квалификации) нужны экономике соответствующих стран в гораздо меньшем объеме, чем число ее жителей, характеризующихся именно таким типом рабочей силы. В результате в соответствующем сегменте рынка труда формируется “рынок покупателя”, где и ставки заработной платы, и уровень социальной защищенности очень низки. Отсутствие у представителей низшего класса реальных перспектив улучшения их положения и крайне низкая отдача от доступных для них видов занятости приводит к постепенной утрате ими интереса к работе. Это, в свою очередь, ведет к переориентации их на альтернативные источники доходов и к формированию специфического образа жизни, принятие которого лишает возможности подавляющее большинство его представителей выйти из состава этого класса даже при условии улучшения ситуации в экономике.

⁶ Стоит отметить, что хотя в устойчивый оборот вошел именно термин “новый андеркласс”, но далеко не все, о ком в этой связи обычно идет речь, являются представителями собственно андеркласса. “Новый андеркласс” – образное выражение, призванное скорее заострить проблему изменения состава низшего класса, нежели точный научный термин.

⁷ Именно этот подход к его анализу представляется мне наиболее перспективным применительно к условиям России.

Отдельно стоит отметить, что с начала 2000-х гг. началось изучение процесса формирования низших классов в странах, осуществлявших переход от плановой экономики к рыночной, – Болгарии, Венгрии, Польше, России, Румынии, Словакии, Китае, а также в других развивающихся странах (см. [Karwacki, Antonowicz, 2003; Domanski, 2002; Solinger, 2006; Stenning, 2005; Burton, 2005] и др.). Эти исследования убедительно показали, что постановка вопроса о возникновении в 1990-х гг. в этих странах низшего класса вполне оправдана. При этом доля представителей низшего класса в России, например, составляла в 2000 г. в населении старше 18 лет, по оценке Г. Домански, 15,9%. Это больше, чем в Болгарии в этот же период (12,1%), но заметно меньше, чем в Польше (22,2%) [Domanski, 2002, p. 387]. С использованием иной методики (ориентированной не столько на характерные для низшего класса проблемы с занятостью, сколько на такую его особенность, как сочетание бедности с глубокой социальной эксклюзией) близкая цифра (12–13%) численности формирующегося низшего класса в России по состоянию на начало 2001 г. была получена и мной [Тихонова, 2003, с. 148]. Более чем на две трети это новое для российского общества социальное образование состояло тогда из не имеющих стабильной работы, полностью безработных, а также неквалифицированных рабочих, занятых прежде всего в торговле, что вполне соответствовало классическим представлениям о “профессиональном портрете” низшего класса. Ключевым фактором консервации неблагоприятного положения представителей низшего класса в российских условиях было тогда, впрочем, не отсутствие работы как таковое, а отсутствие “хорошей” работы, то есть работы, дающей заработок, достаточный для поддержания жизни семьи хотя бы на уровне малообеспеченности, и имеющей стабильный характер [Тихонова, 2003, с. 134–140]⁸.

Суммируя, перед тем как перейти к операционализации признаков низшего класса для его исследования на российских эмпирических данных, ключевые выводы, полученные зарубежными социологами в 1980-х–2000-х гг. в ходе изучения ими низшего класса [Loewenstein, 1985; Katz, 1993; Jencks, 1991; Mincy, Wiener, 1993; Nathan, 1986; Ricketts, Mincy, 1990; Ricketts, Sawhill, 1988; Ruggles, Marton, 1986; Jargowsky, Yang, 2006; Kasarda] и др.), можно зафиксировать следующее:

1. Структурные изменения, характерные для современной экономики и ведущие к сокращению рабочих мест, предполагающих среднеквалифицированный труд, приводят к относительному росту низшего класса и появлению так называемого “нового андеркласса”, причем эта тенденция имеет долгосрочный характер. В этом смысле концепция нового андеркласса – результат синтеза двух теорий. Это *теория сегментации рынка труда*⁹ и *концепция эксклюзии*, прежде всего в сфере доступа к рабочим местам первичного сегмента рынка труда как основы для сохранения массового низшего класса¹⁰. Принципиально важен при этом тот факт, что в случае избыточного предложения соответствующего типа рабочей силы высокий уровень человеческого капитала сам по себе уже не может гарантировать попадания на рабочие места первичного рынка труда.

⁸ Надо сказать, что на российском рынке труда уже к концу 1990-х гг. сформировалась особая социальная группа, характеризующаяся относительно большим риском ухудшения своего положения в дальнейшем. Раз попавшие в ситуацию кризиса занятости (особого состояния работника на рынке труда, отличающегося как от классической занятости, предполагающей наличие стабильной оплачиваемой работы, так и от классической безработицы), ее члены даже при нахождении ими работы имеют относительно большие шансы вновь оказаться в ситуации кризиса занятости. Положение в этой группе зависит прежде всего от состояния регионального рынка труда [Государственная... 2003, гл. 9].

⁹ Речь идет о выделении в рамках этой теории первичного (рабочие места с высокой и стабильной зарплатой, хорошими условиями труда, перспективами роста и т.д.) и вторичного (с низкими зарплатами, высокой текучестью рабочей силы, плохими условиями труда и низкой социальной защищенностью) сегментов рынка труда.

¹⁰ Путь от “нормального” члена общества до люмпенизовавшегося представителя андеркласса при изменившихся позициях на рынке труда занимает обычно несколько лет. В России 1990-х гг. он составлял около семи лет. Механизм превращения ранее вполне благополучных граждан общества в социально исключенных его представителей с одновременной сменой их жизненных установок, поведенческих практик и классовой принадлежности подробно описан в [Тихонова, 2003].

2. В случае общего роста занятости в странах, осуществляющих переход к пост-индустриальной модели развития, быстрее всего растет доля рабочих мест с низкими размерами заработной платы. При определенных условиях это может частично сократить численность андеркласса за счет перехода отдельных его представителей в состав “работающих бедных” (примеры чего были, например, в США в 1990-е гг.), но не способно обеспечить сокращение совокупной численности обоих низших классов. Тенденции сокращения даже в периоды экономического роста общей численности низших классов препятствуют также определенные демографические тенденции. Это прежде всего повышенная рождаемость в наименее благополучных слоях населения и соответствующее вступление в трудовую жизнь относительно большего количества низкоквалифицированных работников, чем в поколении их родителей, а также массовый приток низко- и неквалифицированных мигрантов из-за рубежа.

3. Изменение внешних (структурных) обстоятельств формирует ответное изменение поведения затронутых ими людей. В случае перемещения их на структурные позиции, характерные для низшего класса, меняется их отношение к себе, собственной жизни и окружающему миру, а следовательно – и многие их поведенческие практики, что обусловлено их осознанием утраты шансов на восходящую мобильность и приспособлением к жизни в условиях низких социальных ожиданий. Особенно ярко это проявляется у андеркласса.

Причем модели поведения представителей нового андеркласса имеют ряд особенностей по отношению к традиционному андерклассу. Во-первых, они цикличны: степень, с которой индивид демонстрирует признаки поведения андеркласса, варьируется в зависимости от текущего статуса его занятости, и в случае трудоустройства на стабильную работу характерные для андеркласса установки и поведенческие особенности в новом андерклассе сглаживаются, а присущие представителям среднего и рабочего классов частично восстанавливаются. Кроме того, представители нового андеркласса обычно работают более продолжительное время, остаются без работы на более короткий срок, активнее занимаются поиском работы, менее расположены к алкоголизму и употреблению наркотиков, а их амбиции гораздо выше, чем у традиционного андеркласса. Однако поскольку внешние условия не предоставляют для основной массы нового андеркласса доступа к стабильной занятости, то и на микроуровне даже при условии периодического трудоустройства на временные работы происходит постепенное затухание этой цикличности, сопровождающееся окончательным принятием норм поведения андеркласса. В результате вместо улучшения общего портрета низшего класса его расширение приводит лишь к “расползанию” многих его негативных черт по обществу в целом. Во-вторых, родители членов нового андеркласса – зачастую хорошо оплачиваемые работники первичного рынка труда, воспитавшие своих детей в обстановке умеренного достатка. Это усиливает остроту восприятия драматизма своего положения представителями нового андеркласса и стимулирует развитие у них протестных настроений.

4. У нового и традиционного андеркласса есть и общие черты, прежде всего в степени социального отчуждения. Кроме того, от других бедных групп населения и новый, и традиционный андеркласс отличаются в первую очередь тем, что отсутствие экономических ресурсов и слабая вовлеченность в процесс производства сопровождаются для их представителей дополнительными институциональными препятствиями для получения ими доступа к эффективной занятости – местом жительства, затрудняющим для них поездки к точкам локализации, обеспечивающих эффективную занятость рабочих мест, а также особой средой общения (слабыми и малоэффективными социальными сетями, не способными помочь в поиске работы). При этом анализ расового и этнического состава андеркласса в крупных городах США показал, что характерные для культур многих народов Азии установки на внутригрупповую (этническую) солидарность резко уменьшают вероятность оказаться в составе низшего класса, а тем более – андеркласса, поскольку стремление обращаться за любой услугой или товаром прежде всего “к своим” (возникновение внутригрупповых рынков) заметно увеличи-

вает количество доступных для них рабочих мест. Однако для представителей других типов культур этот механизм не работает.

С точки зрения операционализации критериев принадлежности к низшим классам в ходе эмпирических исследований все вышесказанное означает, что при их выделении необходимо учитывать прежде всего такие их характерные особенности, как: материальная депривированность, относительно большие риски безработицы и/или занятость на рабочих местах, характерных для вторичного рынка труда, малоэффективные и неустойчивые социальные сети, в том числе родственные. В странах с развитой системой государственной поддержки малоимущего населения к этому может добавляться ориентация на трансферты как основной источник доходов. Если говорить о других характерных для них социально-психологических особенностях, то среди характеристик, ассоциирующихся в социологической литературе с низшими классами, обычно называются: низкое самоуважение (заниженное чувство собственного достоинства), ориентация на настоящее (неспособность планировать будущее), высокий уровень социального отчуждения, слабая распространенность достижительных мотиваций. Для андеркласса к этому добавляется склонность к девиантному поведению (алкоголизм, наркомания, сексуальная распущенность, распространенность криминальных форм поведения). Наконец, характерное для перехода к постмодерну смещение фокуса внимания с производства на потребление привело к выделению в числе специфических для низших классов признаков ряда особенностей его потребительских практик [Hayward, Yar, 2006].

Отдельной проблемой при выборе критериев для выделения низших классов на массивах эмпирических данных выступает уверенность в том, что в условиях иного типа общества и иной культуры воспроизведутся все признаки, характерные для низших классов наиболее развитых стран, осуществляющих в настоящее время переход к постиндустриальному этапу развития. А это значит, что нужно отобрать краеугольные признаки, которые позволили бы выделить группу, которую можно рассматривать как некий аналог существующих в них низших классов.

Первый из этих признаков при анализе низших классов в рамках структурного подхода – бесспорно, специфика позиций на рынке труда. “Верхний низший класс”, или класс “работающих бедняков”, объединяет представителей низко- и неквалифицированного труда, хотя и не имеющих стабильной и приносящей достаточный доход занятости, но живущих все-таки преимущественно на доходы от своей трудовой деятельности. “Нижний низший класс”, традиционно характеризуемый как андеркласс, объединяет не просто живущих на пособия или иные нетрудовые источники доходов, но и не стремящийся к включению в трудовую деятельность, в результате формирующийся в нем особые модели поведения и жизненных установок. Второй же краеугольный признак низших классов – материальная депривированность его представителей.

С учетом особенностей инструментария имевшегося в моем распоряжении массива данных¹¹ эти критерии были операционализированы следующим образом. Вначале был рассчитан *индекс доступности эффективной занятости*. При этом я исходила из того, что характерными особенностями представителей низших классов в этой области являются, во-первых, большие риски безработицы, во-вторых, низкий уровень заработной платы, а в-третьих – отсутствие социальных гарантий даже в предусмотренных законом объемах. Соответственно, в числе индикаторов слабости позиций на рынке труда выступали четыре признака, за наличие каждого из которых давался один балл:

– попадание за последний год в ситуации, когда респондент более трех месяцев подряд нигде не работал и не учился (в использованном подмассиве трудоспособного населения в возрасте не старше 60 лет таковых было 11%);

¹¹ Речь идет о результатах исследования “Российская повседневность в условиях кризиса: взгляд социологов” (Институт социологии РАН, февраль 2009), проводившегося по общероссийской выборке, репрезентировавшей население страны по региону проживания, типу поселения, полу и возрасту (число респондентов 1749).

- самооценка как весьма вероятной ситуации, при которой он может в ближайший год оказаться (или остаться) безработным (таковых было 40%);
- индивидуальный доход не выше 80% медианных для подмассива работающих доходов (в использованном подмассиве это означало не более 8000 рублей; данному условию отвечали 43% респондентов);
- отсутствие у его работы, по самооценке респондента, таких характеристик, как оплата отпуска и больничного листа в предусмотренном российским законодательством размере (таковых было 27%).

Для “прохождения” по критерию доступа к эффективной занятости в состав низшего класса необходимо было набрать не менее двух баллов. Такую концентрацию признаков слабости их позиций на рынке труда имели 35% респондентов. За “линию отсечения” я приняла два балла, поскольку оказалось, что именно на этом уровне значений индекса число депривированных респондентов не просто резко возрастало, но доля их начинала превышать половину группы. Особо надо отметить также, что сравнительно небольшая численность неработающих респондентов в использованном массиве данных не позволила выделить в достаточном для анализа объеме андеркласс, характерной особенностью которого является именно отсутствие систематической занятости. Затем был рассчитан *индекс принадлежности к депривированным слоям населения*. Используя для его расчета индикаторы, за наличие каждого из которых респондент получал один балл, включали:

1. Наличие не менее четырех признаков материальной депривации из следующего списка (доля соответствующих этому критерию в массиве составляла 30%):

- самооценка своего материального положения как плохого;
- самооценка своего питания как плохого;
- самооценка своей возможности приобрести необходимую одежду как плохой;
- отсутствие наиболее широко распространенных (имеющихся более чем у 85% населения) видов имущества;
- отсутствие хотя бы одного вида товаров длительного пользования, приобретенного за последние 7 лет;
- невозможность воспользоваться за последние три года хотя бы одним из таких видов платных социальных услуг, как медицинские, образовательные, рекреационные;
- проживание в коммунальной квартире, общежитии, съемном жилье при условии отсутствия другого жилья;
- наличие менее 10 м² общей площади на человека в занимаемом жилье;
- отсутствие какой-либо недвижимости помимо занимаемого жилья;
- наличие накопившихся мелких долгов.

2. Количество товаров длительного пользования в домохозяйстве менее медианного для населения страны в целом¹². Всего таковых в массиве было 33%.

3. Среднедушевые ежемесячные доходы в домохозяйстве менее медианы доходов для соответствующего типа поселений¹³. Всего таковых в массиве было 43%.

Для “прохождения” по критерию принадлежности к депривированным слоям населения в состав низшего класса необходимо было набрать не менее двух баллов. Респондентов, отвечающих этому условию, в массиве экономически активного населения оказалось 32%. Затем был введен дополнительный фильтр – из группы, в которой показатели индекса принадлежности к депривированным слоям населения составляли не менее двух баллов, были удалены все, кто имели в собственности автомобиль. Получившаяся группа составила 24% массива.

¹² По данным 2009 г., медианное количество товаров длительного пользования составляло 10 предметов из 24, перечисленных в анкете.

¹³ Необходимость учитывать различия доходов для разных типов поселений и рассчитывать этот показатель отдельно для мегаполисов, областных городов, районных центров и поселков городского типа связана с различиями в образе жизни, ценах, натуральной составляющей дохода их жителей. В итоге, если для жителей сел для получения балла по этому критерию достаточно было иметь ежемесячный среднедушевой доход ниже чем 4,3 тыс. рублей, то в Москве и Петербурге эта планка поднималась до 15 тыс. рублей.

Итоговой процедурой выделения низшего класса стало совмещение показателей двух выделенных индексов – индекса доступности эффективной занятости и индекса принадлежности к депривированным слоям населения – с определением в качестве зоны локализации низших классов зоны пересечения выделенных с помощью этих индексов множеств. *От общей численности массива экономически активного населения эта зона составила 14%.* Эта цифра практически совпадает с другими, уже упоминавшимися выше оценками численности низшего класса в России, что заставляет считать ее близкой к реальности. Более точная оценка общей доли низшего класса в российском обществе предполагает необходимость дальнейших исследований, позволяющих прежде всего определить правомерность отнесения к низшим классам части пенсионеров. Кроме того, нельзя упускать и вероятности роста его численности за счет тех, кто пока характеризуются высокой концентрацией либо только признаков депривации, либо признаков недоступности для них эффективной занятости. Эти люди (численность которых достигает примерно трети всего экономически активного населения страны), хотя они и не попали в силу особенностей избранной методики выделения низшего класса¹⁴ в его состав, в соответствии с теорией внутренней структуры любых социальных групп составляют *периферию низшего класса.* Именно она может обеспечить в будущем, при условии сохранения ряда существующих сегодня негативных тенденций, рост численности низшего класса российского общества уже в ближайшие годы.

Что же заставляет предполагать, что эту часть россиян может постигнуть подобная судьба? Если говорить о группе с высокой концентрацией признаков недоступности эффективной занятости, составляющей две трети периферии низшего класса, то нарастание признаков депривации для ее представителей – лишь вопрос времени и не слишком продолжительного. Ведь отсутствие эффективной занятости с вытекающими отсюда низкими доходами неизбежно ведет к депривации. Если же говорить о насчитывающей треть всей периферии низшего класса группе с концентрацией признаков депривированности, то отсутствие тут признаков недоступности эффективной занятости во многом кажущееся. Хотя их рабочие места могут характеризоваться достаточной устойчивостью (что может быть, например, результатом специфических условий, сложившихся на том или ином локальном рынке труда), при характерных для них низких доходах вряд ли можно назвать эту группу имеющей доступ к эффективной занятости. Доходы же их действительно низкие – три четверти в этой группе имели к весне 2009 г. индивидуальные доходы не выше 8 тыс. рублей в месяц.

При таком уровне доходов естественно, что реально эта группа отличается от бедных немногим: это прежде всего возможности обеспечить себе достаточное питание (в смысле есть досыта хотя бы самую простую пищу), сохранять дома определенный набор имущества и даже, при определенных условиях, расширять его за счет относительно дешевых его видов (например, мелкой кухонной бытовой техники). Зато от более благополучных россиян она отстоит гораздо дальше и по доходам (медианные доходы респондентов, не попавших ни в низший класс, ни в его периферию, составляли 12 тыс. рублей), и по ряду качественных особенностей их жизни, в том числе характерной для них неспособностью добиться даже в период экономического роста в стране повышения уровня собственного благосостояния, улучшить свои жилищные условия, получить повышение на работе, сделать дорогостоящие приобретения и т.п. В этом плане даже наиболее благополучных в материальном отношении представителей периферии низшего класса можно охарактеризовать не более чем как малообеспеченных.

¹⁴ В этой связи стоит отметить, что, хотя пороговые значения по одному из двух индексов, использовавшихся для выделения низшего класса, не были в каждой из этих групп достигнуты, однако примерно в 80% случаях в обеих этих группах признаки неблагополучия в сфере, из-за недостаточно высоких показателей по которой они не попали в состав низшего класса, присутствовали. Так, среди депривированных россиян, не прошедших в состав низшего класса по критерию недоступности для них эффективной занятости, признаки неблагополучия в сфере занятости встречались в 85% случаев. В группе же не имеющих доступа к эффективной занятости, но не прошедших в состав низшего класса по критерию депривации, признаки депривированности встречались в 79% случаев.

При этом разрыв между бедными и малообеспеченными, с одной стороны, и благополучными слоями населения – с другой, за последние годы заметно вырос, а экономический кризис 2008 г. еще больше углубил этот разрыв. Обновление и даже приращение “по мелочи” домашнего имущества в предшествовавший экономическому кризису период относительного благополучия обернулось для этих слоев отсутствием у них всякого запаса прочности к моменту начала кризиса. По сути, медленно и постепенно, но достаточно отчетливо на наших глазах идет процесс превращения большинства малообеспеченных в периферию низшего класса¹⁵.

Иногда – в благополучные годы – этот процесс может даже сопровождаться ростом благосостояния самих малообеспеченных, который создает впечатление сокращения их численности. Однако на самом деле это небольшое, подчас к тому же обеспеченное возникновением кредитной нагрузки, изменение предметной среды их обитания не создает для них качественно новых жизненных шансов на значимое улучшение их жизни и переход их в слои, характеризующиеся иным уровнем и образом жизни. То, что эта группа не попала, согласно избранной методике его выделения, в состав низшего класса, связано только с тем, что значительная часть их сосредоточена на государственных и приватизированных предприятиях, где еще сохраняется традиция соблюдать нормы Трудового кодекса, с одной стороны, и относительно низка текучесть кадров – с другой. В результате картина их производственной ситуации представляется относительно благополучной, хотя, по сути, они – достаточно типичные представители низшего класса с точки зрения недоступности для них эффективной занятости.

Итак, низший класс в России уже существует, а доля его представителей в составе населения страны составляет примерно 14%. При этом есть значительный резерв его расширения за счет его периферии. И речь в данном случае идет не о наиболее депривированной части пенсионеров, а о довольно многочисленной (около трети всего экономически активного населения страны) группе россиян, демонстрирующих наличие у них признаков депривации и недоступности для них эффективной занятости, хотя и в менее концентрированной форме, чем у представителей собственно низшего класса. Анализ особенностей состава этой группы свидетельствует, что формирование низшего класса в России идет не только на базе бедных, но и на базе малообеспеченных слоев населения.

За счет чего же положение и судьбы представителей низшего класса столь значительно отличаются от ситуации в более благополучных слоях? Что же это за “заколдованные” десятки миллионов человек, которым и в период экономического роста не удается создать себе никакой “подушки безопасности” и которые в период экономического спада страдают и раньше, и сильнее других? Ответ на эти вопросы я постараюсь дать в следующей статье.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Государственная социальная политика и стратегии выживания домохозяйств. М., 2003.
Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М., 2000.
Лежнина Ю.П. Основные социально-демографические факторы, определяющие риск бедности и малообеспеченности // Социологические исследования. 2010. № 3.
Тихонова Н.Е. Классы в современной России: миф или реальность? // Россия реформирующаяся. М., 2008.
Тихонова Н.Е. Малообеспеченность в современной России: причины и перспективы? // Социологические исследования. 2010. № 1.
Тихонова Н.Е. Малообеспеченные в современной России: специфика уровня и образа жизни // Социологические исследования. 2009. № 11.
Тихонова Н.Е. Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. М., 2007.

¹⁵ Во всяком случае, судя по имеющимся эмпирическим данным, 2000-е гг. ознаменовались распространением многих характерных для низшего класса особенностей также в среде малообеспеченных [Тихонова, 2009; 2010; Лежнина, 2010].

- Тихонова Н.Е.* Феномен городской бедности в современной России. М., 2003.
- Тихонова Н.Е., Мареева С.В.* Средний класс: теория и реальность. М., 2009.
- Уорнер Л.* Социальный класс и социальная структура // Рубеж. 1997. № 10–11.
- Auletta K.* The Underclass. New York, 1982.
- Burton A.* African Underclass: Urbanisation, Class and Colonial Order in Dar es Salaam. Eastern African Studies. Nairobi, 2005.
- Coleman R., Rainwater L.* Social Standing in America: New Dimensions of Class. New York, 1978.
- Clark K.B.* Dark Ghetto. 1965.
- Clark K., Nathan R.* The Urban Underclass. In Critical Issues for a National Policy: a Reconnaissance and Agenda for Further Study. Washington, 1982.
- Dahrendorf R.* Law and Order. Westview–Boulder, 1985.
- Domanski H.* Is the East European “Underclass” Feminized? // Communist and Post-communist Studies. 2002. № 35.
- Fassin D.* Exclusion, underclass, marginalidad: Figures contemporaines de la pauvreté urbaine en France, aux Etats-Unis et en Amérique Latine // Revue française de sociologie. 1996. Vol. 37. № 1 (<http://www.jstor.org/stable/3321945>).
- Gilbert D., Kahl J.* The American Class Structure: a Synthesis. Homewood, 1982.
- Hayward K., Yar M.* The ‘Chav’ Phenomenon: Consumption, Media and the Construction of a New Underclass // Crime Media Culture. London, 2006.
- Jargowsky P.A., Yang R.* The “Underclass” Revisited: a Social Problem in Decline // The University of Texas at Dallas. Journal of Urban Affairs. 2006. Vol. 28. № 1.
- Jencks C.* Is the American Underclass Growing? // The Urban Underclass. Washington, 1991.
- Karwacki A., Antonowicz D.* Underclass i Kultura Biedw_Rjodowiskach Popegeerowskich w Kontek_Cie Spor w Teoretycznych i Interpretacyjnych // Studia socjologiczne. 2003. № 3(170).
- Kasarda J.D.* Urban Industrial Transition and the Underclass // Annals of the American Academy of Political and Social Science. Vol. 501 (<http://www.jstor.org/stable/1045647>).
- Katz M.B.* The “Underclass” Debate: Views from History. Princeton (N.J.), 1993.
- Loewenstein G.* The New Underclass: a Contemporary Sociological Dilemma // The Sociological Quarterly. 1985. Vol. 26. № 1.
- Mincy R.B., Wiener S.J.* The Underclass in the 1980s: Changing Concepts, Constant Reality. Washington, 1993.
- Myrdal G.* Challenges to Affluence. New York, 1962.
- Murray Ch.* The British Underclass: Ten Years Later // The Sunday Times. February 13, 2000.
- Murphy C.* Europe’s Underclass // The National Interest. Winter 1997/1998. № 50.
- Nathan R.P.* Institutional Change and the Challenge of the Underclass // Annals of the American Academy of Political and Social Science. Vol. 501 (<http://www.jstor.org/stable/1045657>).
- Nathan R.* The Underclass – Will it Always be with Us? Paper prepared for Symposium at the New School for Social Research. November 14, 1986.
- Ricketts E.R., Mincy R.B.* Growth of the Underclass: 1970 to 1980 // The Journal of Human Resources. 1990. № 25.
- Ricketts E.R., Sawhill I.V.* Defining and Measuring the Underclass // Journal of Policy Analysis and Management. 1988. № 7.
- Ruggles P., Marton W.P.* Measuring the Size and Characteristics of the Underclass: How Much do we Know? Paper prepared for the Rockefeller Foundation. Washington, 1986.
- Solinger D.J.* The Creation of a New Underclass in China and Its Implications // Environment & Urbanization Copyright. International Institute for Environment and Development (IIED). 2006. Vol. 18(1).
- Stenning A.* Where is the Post-socialist Working Class? Working-class Lives in the Spaces of (Post-)socialism // Sociology. 2005. Vol. 39 (<http://soc.sagepub.com/cgi/content/abstract/39/5/983>).
- Wilson W.J.* The Declining Significance of Race: Blacks and Changing American Institutions. Chicago, 1978.
- Wilson W.J.* Public Policy Research and the Truly Disadvantaged // The Urban Underclass. The Brookings Institution. Washington, 1991.
- Wilson W.J.* The Truly Disad_Antaged: the Inner City, the Underclass, and Public Policy. Chicago, 1987.
- Wilson W.J.* When Work Disappears: the World of the New Urban Poor. Knopf–New York, 1996.